Клим Руднев

Бастард Его Сиятельства

Клим Руднев
Бастард его Сиятельства

https://litres.ru/74751184
SelfPub; 2026

Аннотация

Я был спецназовцем. Погиб, прикрывая товарища и очнулся в петле.

Теперь я - незаконнорожденный сын князя, которого повесили разбойники недалеко от тракта. Мое новое тело молодо и слабо, вместо автоматов - сабли и карабины.

Главная угроза здесь не душманы, а чудовища, лезущие из магического разлома.

Теперь мне придется освоить древнюю магию, сводящую с ума и собрать союз из враждующих дворянских домов. Где я и где дворянство?

А еще, желательно, не умереть от рук местных интриганов и не попасть в желудок какой-нибудь горгулье.

Мне нужно выжить в мире, который я не понимаю. Спасти семью, которую не знаю. И победить врага, которого не вижу.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 15
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Клим Руднев
Бастард его Сиятельства

Глава 1

Глава 1. Петля

В поселок Горный группу спасения, которую я вел, высадили несколько часов назад. Именно сюда, по данным разведки, трое моджахедов вывезло инженера с местной гидроэлектростанции. Если его не вытащить, противник получит контроль над всем энергоснабжением района.

Мы зашли в поселок с южной стороны, через пролом в бетонном заборе, где когда-то были ворота. Теперь от них осталась только ржавая петля и кусок арматуры, торчащей из земли, как сломанный зуб. Четыре дома, два вконец разрушенных, один полусгоревший, и последний — двухэтажный, с обвалившейся крышей, но с целыми стенами. Там-то и держат инженера.

Меня прикомандировали к этому отряду за три дня до выхода, когда прежний командир словил осколок в позвоночник и его эвакуировали в тыл. Полтора десятка лет службы в спецназе, потом еще четыре года инструктором по подготовке союзных нерегулярных формирований — я привык работать с чужими людьми, вставать в строй без раскачки и раз-

бираться на месте.

Наш отряд состоял из семерых бойцов, включая меня. Три ветерана и три молодых парня только из учебки. Самого зеленого мы звали Малой. Горящие глаза и желание бороться за справедливость — неотъемлемые черты хорошего бойца. Только вот подготовка оставляла желать лучшего. Такие пачками шли воевать, а потом попадали либо в госпиталь с перебитой психикой, либо на кладбище с медалью «За отвагу» посмертно.

Солнце уже клонилось к закату, и длинные тени от домов ложились на дорогу, разбитую колеями и поросшую полынью. Сухой и горячий воздух обжигал легкие, а пот застилал глаза.

— Группа, стоп. — Уловив впереди какое-то движение, я поднял руку, и бойцы сзади замерли. Самый младший громко сопел от усталости. — Малой, два шага назад. Не дыши в затылок.

— Виноват, товарищ майор, — просипел солдат и, шаркнув ботинками, затих.

Я прислушался. Ветер шелестел ветвями сухих кустарников. Мы двинулись дальше — я впереди, держа автомат наизготовку, пальцы привычно лежали на цевье и спусковой скобе. Я обернулся и жестами показал ветеранам, что делать. Кир и Шмель поняли без слов — они ушли в обход, к задней стене дома, пригибаясь, перебегая от укрытия к укрытию, и через минуту я услышал в наушнике два коротких щелчка

— они на месте.

Чиж с Башкой закрепились на левом фланге, у груды битого кирпича и ржавых листов железа, которые когда-то были крышей соседнего сарая.

Я взял с собой Малого. Мне хотелось, чтобы он вернулся домой, если не невредимым, то хотя бы живым.

Мы подошли к двери вплотную. Я присел на корточки и осмотрел ее. Затем толкнул створку, и она легко поддалась. Я перешагнул порог, держа автомат наизготовку. Малой шагал сзади, прикрывая меня.

Внутри было темно, только узкая полоса света из приоткрытой двери вырывала из мрака кусок бетонного пола, покрытого слоем известковой пыли, и первые ступени деревянной лестницы, ведущей на второй этаж.

Я сделал второй шаг и замер, прислушиваясь. Где-то наверху, кажется, что-то скрипнуло, но звук был настолько тихим, что я не мог понять, был ли это шаг человека или просто ветер.

Малой стоял прямо за моей спиной, и я слышал его частое сбивчивое дыхание. Ему было страшно. Я хотел обернуться и шепнуть ему, чтобы он сделал шаг назад и держал дистанцию, но не успел — из темноты слева раздался металлический скрежет.

Я не успел понять, что это было, как за спиной загрохотала автоматная очередь. Я обернулся. Малой стоял с поднятым стволом, глаза выпучены, пальцы застыли на спуске, ав-

томат выдавал в потолок пулю на пулей. Сверху посыпалась штукатурка, смешанная с трухой и сухими листьями.

Шагнув к малому, я попытался вырвать у него из рук автомат, но он вцепился в него мертвой хваткой — пальцы побелели, он сжимал оружие так, будто оно было единственным, что держало его на ногах. Но стрельба прекратилась.

— Отдай, мать твою! — процедил я сквозь зубы, дергая ствол на себя.

И в этот момент сзади, со стороны лестницы, послышался стук — тяжелые шаги, топот по деревянным ступеням, быстро приближающийся, кто-то сверху крикнул гортанно, и я снова обернулся, уже отпустив автомат Малого, и увидел фигуру противника.

Моджахед с автоматом наперевес, в грязном камуфляже, перепачканном копотью и кровью, бежал вниз. Я двинулся вперед, закрывая собой Малого, и выстрелил. Противник дернулся, но не упал, выстрелил в ответ и промахнулся. Я произвел еще один выстрел, и поверженный враг рухнул на пол.

Возле моих ног вдруг что-то звякнуло. Граната.

— Товарищ майор! — послышался визг из-за спины.

Чертов Малой бросил гранату в противника, когда напарник стоял рядом.

— Беги, — успел прошептать я и лег на гранату.

Взрыв ударил снизу — в живот, в бедра, в грудь, я почувствовал, как бронежилет трескается, как пластины впиваю-

ся в ребра, как осколки прошивают мышцы и сухожилия, вырывая куски плоти, как воздух вылетает из легких.

Последняя мысль, пронесшаяся в голове, перед тем как сознание угасло и мир исчез в черной пелене, была о том, что я должен был оставить его снаружи, я должен был взять с собой Чижа или Шмеля, да кого угодно, только не этого сопляка, который не умел контролировать свой страх.

Темнота.

***

Через мгновение мое тело пронзила иная боль. В горле, шее и голове. Боль, разрывающую затылок на части и выжигающую глаза изнутри. Я попытался вдохнуть. Но воздух не проходил. Я ощупал горло. Его сдавливала веревка.

Я попытался открыть глаза, но веки были тяжелыми, и прошло несколько мгновений, прежде чем я смог их разлепить. Вместо бетонного потолка надо мной качались ветки, и тусклый свет пробивался сквозь них. Голова гудела, в ушах стоял звон, и каждое движение отдавалось болью в шее, будто кто-то водил по горлу раскаленным прутом.

Я что, выжил после взрыва, меня повесили и я снова выжил? Не может быть!

Я попытался упереться ногами во что-то твердое, но они болтались в воздухе, не находя опоры, и от этого движения веревка сжала горло еще сильнее, перекрывая дыхание окончательно. В глазах потемнело. Пара секунд и все, баста. Больше времени у меня нет.

Я обеими руками схватился за веревку над головой и подтянулся на руках. Наконец-то вдох. Он придал мне сил, и я сумел дотянуться до сука, через который, по всей видимости, перекинули веревку. С большим трудом я вынул голову из петли и сорвался вниз, в кучу сухих листьев и прелой травы, ударившись спиной о корни, но даже не заметив боли.

Лежа на земле, я глядел в серое небо между ветвями и хватал ртом воздух, как утопленник, которого только что вытащили из воды. Горло саднило, язык распух, во рту ощущался привкус железа, и каждое движение вызывало тошноту. Я лежал и дышал, и только дышал, пока наконец в голове не прояснилось настолько, чтобы задать себе самый главный вопрос.

Где я? Куда вывезли меня эти черти?

Отдышавшись, я сел и посмотрел на свои руки. Они были молодые, бледные, с длинными тонкими пальцами, без единого шрама. Ни одной татуировки. Ни мозолей от оружия, ни старых ожогов от гильз. Чужие руки. Я провел ладонью по лицу — гладкое, без щетины. Длинные волосы на голове — не мои.

Я коснулся пальцами горла и вздрогнул от боли. Там, где веревка врезалась в кожу, осталась глубокая борозда, влажная на ощупь. Наверное, кровь, смешанная с потом. Но это было не самым странным. Самым странным оказалось то, что я вообще был жив.

Голову пронзили обрывки воспоминаний, как куски ви-

деопленки. Мужик с бородой, заплетенной в жидкие косички, орет мне что-то в лицо, брызжа слюной. Второй — молодой, с хитрым прищуром и шрамом, перечеркнувшим левую щеку от скулы до подбородка, — шарил по карманам, вывернул сумку и разочарованно проговорил: «Пустой, гад». Третий сидел на лошади, сгорбленный, в засаленной шапке с оторванным козырьком, и лениво крутил в руках топор.

Потом кто-то накинул на меня сзади веревку и вздернул.

Я попытался встать и чуть не упал — ноги подкашивались, как у новорожденного жеребенка. Тело было молодым, я это чувствовал по легкости в суставах и отсутствию привычной тяжести, которую носил с собой последние лет пятнадцать, но оно было ослабленным, обезвоженным, с пережитым шоком. И одежда на мне была какая-то странная: холщовая рубаха, застиранный серый кафтан, перетянутый кожаным поясом, шаровары и сбитые сапоги.

Я прислонился спиной к стволу дерева, на котором меня повесили, и перевел дух. Вокруг был обычный, ничем не примечательный лес, смешанный, с соснами и березами, с колючими кустарниками и мхом.

Я доковылял до широкой двухколейной дороги. Никакого асфальта. Никаких столбов с проводами. Никаких дорожных знаков. Только грунтовая дорога, уходящая за поворот, и абсолютная тишина. Воздух пах иначе — свежее, без выхлопов и гари. Меня что, вывезли в какое-то село и переодели?

— Паша, соберись! — прошептал я и ударил себя по щеке,

но картина вокруг не изменилась.

«Ты подорвался на гранате, бронежилет не дал тебе умереть, и тебя определили в военный госпиталь, — успокаивал я себя. — И теперь ты спишь на больничной койке, и все это — галюны от обезбола».

Мозг, перегруженный болью и шоком, решил спрятаться в безопасную иллюзию, подсунул мне сон, галлюцинацию, последнюю фантазию умирающего сознания. Я ущипнул себя за руку, за внутреннюю сторону предплечья, где кожа тонкая и чувствительная.

Судя по солнечному кругу, с трудом пробивающемуся сквозь плотную пелену облаков, сейчас около полудня. Голова закружилась, и ноги подкосились.

— Мужик, соберись, — снова сказал я себе, стараясь не упасть.

Я пошарил по карманам — пусто. Налетчики все вычистили. В подкладке сапога нащупал две медные монетки. На них с одной стороны был двуглавый орел, а с другой — надпись «1/4 копейки 1887».

Всего-то полкопейки. Тогда за что на него, то есть на меня, набросились разбойники? Куда шел этот бедолага?

Домой. К другу отца. За каким-то письмом, которое нужно было отдать отцу. Какому отцу?

Усадьба, куда я шел, находилась на юго-востоке от места нападения, в паре часов ходьбы. Если идти лесом, петляя, — дольше, зато безопаснее.

Я сделал несколько шагов и замер. В метрах двадцати послышался лошадиный топот, голоса и громкий смех. Я нырнул в кусты, прижался к земле и затаился. Сквозь ветви я увидел четверых всадников. Это они меня повесили.

— Петля пустая! — крикнул один из них. — Сам снялся, что ли?

— Брешешь! — ответил второй голос. — Не мог он сам сняться! Кто-то помог. В лесу прячутся, гады.

— Может, медведь сожрал? — спросил низкий голос глуповатым тоном.

— Много ты здесь медведей видал, олух? — съязвил второй и отвесил, судя по глухому удару, тупице подзатыльник. — Может, горгулья, а?

«Горгулья? — подумал я. — Какой идиотский сон!»

— Заткнулись оба и найдите его, — рявкнул старший.

— Да сдох он, — просипел четвертый.

— А если живой? — возмутился старший. — До усадьбы дойдет и разболтает, кто его повесил, тогда посмотрю, как запоете!

Я замер, вжимаясь в прелую землю, и слушал. Голоса стихли, лошади зафыркали и застучали копытами по тракту. Через пару минут я осмелился поднять голову и оглядеться. Никого.

На четвереньках, пригибаясь к земле, я пополз к дереву, на котором меня повесили. Логика подсказывала, что сейчас это самое безопасное место, ведь разбойники удалялись от

него, и медведей, по их словам, здесь не было. Только вот горгульи. Что эти ряженные имели в виду?

Я дополз до дерева, и у самых его корней что-то блеснуло. Пошарив руками в траве, я обнаружил нож, сантиметров двадцать в длину. Я поднял его, провел пальцем по лезвию, оценивая остроту. Туповат, но сойдет.

Засунув его за пояс, я сел спиной к стволу дерева и прикрыл глаза. Горло саднило, голова гудела, и каждое движение отдавалось болью в шее.

Внезапно в голове снова начали всплывать воспоминания. Женщина в черном платье с высоким горлом и белом чепце звала меня сыночком, Ярославушкой. Гладила по голове своей теплой рукой и тихо напевала что-то старинное, пока я лежал у нее на коленях, вдыхая запах мяты от ее одежды.

Потом картинка сменилась. Та же женщина, но она уже стояла на коленях перед большим дубовым крестом, и плечи ее дрожали. Я хотел подойти к ней, обнять, но чья-то рука легла на мое плечо и остановила меня.

— Пора ехать, — прогремел мужской голос. — Марфа вставай, не гневи меня.

Я хотел спросить, что случилось, но видение снова содрогнулось, и теперь я стоял на высоком холме. Ветер трепал мои волосы, а я смотрел вниз на долину, где в нескольких местах поднимались черные столбы дыма, а между ними бегали крохотные, как муравьи, люди.

— Они снова открыли пробой, — пробормотал я не своим

голосом.

Глаза резко распахнулись. Сердце колотилось, лоб был мокрым от пота. Я вытер рукавом и взглянул на свои руки — чужие руки, трясущиеся от страха.

— Что за херня? — прошептал я.

Я поднялся на ноги, опираясь о ствол и огляделся. Все еще никаких следов цивилизации. Разбойники, кафтан, медяки и прочие вещи, которые я видел только в исторических фильмах и сказках.

Я не в госпитале. Меня не вывезли в глухую деревню и не переодели. Я попал в прошлое.

Глава 2

Глава 2. Чужая шкура

Мысль была настолько дурацкой, что я чуть не рассмеялся, но тут же себя одернул, потому что смеяться в лесу, где по кустам шастают вооруженные мужики и водятся, по их же словам, горгульи, — отличный способ привлечь внимание и, возможно, снова умереть.

Прошлое. Ладно. Допустим.

Я вынул нож из-за пояса и покрутил в руке. Мягкая сталь — значит, легко поддается заточке об обычный камень. Недалеко от дерева я обнаружил огромный валун и принялся с усердием тереть о него свое новое оружие, вместо того чтобы биться в истерике, как сделал бы любой нормальный человек на моем месте. Но я не из робкого десятка, я, в конце концов, спецназовец.

Итак, мне нужно в усадьбу. План тот же: не выходить на тракт, чтобы не наткнуться на эту шайку снова.

Я побрел по лесу в сторону усадьбы. Тело вело меня само, без моего осознанного участия, будто ноги помнили дорогу лучше, чем голова помнила вообще что-либо. Кто я, например, здесь?

Минут через двадцать пути я вдруг понял, что совсем не слышу птиц. Клянусь, что до этого слышал и воробьев, и зябликов, даже вороны несколько раз каркали мне вслед. А те-

перь вдруг тишина.

Я остановился. Слева, в густом подлеске, что-то шевельнулось.

Тварь вышла на тропу не спеша, будто у нее было все время мира. Размером с крупную собаку, но ни одной деталью на собаку не похожа: вытянутое поджарое тело, сухая треснувшая кожа с клочьями то ли перьев, то ли щетины вдоль хребта, узкая безухая морда с костяным гребнем вместо носа и непропорционально длинной пастью, задние лапы с суставом, гнущимся назад, по-птичьи голый хлещущий хвост.

— Горгулья! — вырвалось у меня.

Я закрыл рот руками и попятился. Тварь шагнула вперед ровно настолько же, будто нас связывала невидимая резинка, и, блеснув глазами, оскалила длинные зубы. Бежать не имело смысла: даже моя прежняя, годами наработанная скорость не могла бы тягаться с хищником, а уж это тело, дрожащее после петли, — тем более.

Делать нечего, придется драться.

Тварь с дьявольским рыком метнулась вперед. Я шагнул вбок, повернул корпус в сторону горгульи и выставил перед собой нож. Она чиркнула меня когтями по плечу. Я сразу оценил масштаб ранения — неглубокая царапина. Но не уверен, что здесь делают прививки от столбняка, поэтому решил поскорее расправиться с чудовищем.

Я шагнул навстречу, выбросил руку с ножом, целясь в морду. Замах вышел коротким и слабым: мозг будто не по-

нимал, что мышцы у меня хоть и моложе на два десятка лет, но их гораздо меньше, чем было у меня прежнего. Тварь легко ушла в сторону.

Я качнулся следом, стараясь удержать стойку, и чуть не упал. Ноги, минуту назад уверенно державшие меня, вдруг разъехались на ровном месте, будто тело забыло, как распределять вес при развороте. Левая рука машинально попыталась ухватиться за что-то, чтобы не рухнуть прямо под тварь. Благодаря этому движению, я устоял на ногах.

Когда чудовище ринулось в атаку снова, тело вдруг среагировало само. Я метнулся в сторону, и когти в этот раз встретились с корой ближайшего дерева. Тварь впечаталась в ствол боком, взвизгнула и на пару мгновений замешкалась, приходя в себя от удара.

Этого хватило. Я не стал ждать удобного момента — прыгнул сам, всем весом, вгоняя нож в шею животного. Лезвие вошло туго, будто кожа была плотнее обычной шкуры, но вошло — и тварь забилась подо мной, а я держал изо всех сил, какие еще оставались в этом молодом, ненадежном теле, пока чудовище подо мной не обмякло.

Я откинулся назад и лег на спину, глядя в кроны и тяжело дыша. В девятнадцатом веке таких тварей не водилось — ни один учебник истории не писал про зверей с вывернутыми суставами и глазами-провалами. Из перерезанной шеи горгульи, пузырясь, вытекала черная смолистая жидкость и впитывалась в мох, оставляя маслянистое пятно.

Через мгновение жгучая боль пронзила плечо. Неглубокая, как мне казалось, царапина горела так, будто в нее плеснули кислотой. Я откатился от туши и сел, прижимая ладонь к плечу.

Жжение усиливалось с каждой секундой, расползаясь вниз к локтю и вверх к шее, будто в кровь попал какой-то разъедающий состав. Надо промыть. И чем быстрее, тем лучше.

Я огляделся и прислушался. Успех! В двадцати шагах вниз по склону я заметил влажный след — полоску мха ярче обычного и сочную осоку. Вода. Двинулся туда, придерживая рану рукой. Тело слушалось уже лучше, чем полчаса назад, но каждый шаг отдавался глухой пульсацией в плече.

Я аккуратно сполз по склону и обнаружил ручеек с каменистым дном и прозрачной, холодной водой. Опустившись на колени, плеснул водой на рану и выдохнул сквозь зубы.

В Афганистане меня как-то царапнуло шальной пулей. Тогда боль была острой, но привычной: горячий металл, рванувший кожу, — и все, дальше только глухое нытье, пока не заживет. Сейчас же боль от когтей ощущалась совсем иначе. Она не резала, а жгла изнутри, разъедала мышцы и кости. Пулевую рану я мог промыть водой, перевязать и забыть до вечера. А эту — не знаю, чем вытравить. Ледяная вода только приглушала жжение, но не смывала его до конца.

Я оторвал от подола рубахи широкую полосу, намочил ее и принялся промывать края раны. Протер до чистой кожи,

приложил свежий сухой лоскут и перевязал плечо наискось, затянув концы зубами. Боль ушла в глухой фон.

Я сполоснул нож в ручье, смывая темную кровь. Она растворилась в прозрачной воде и потекла дальше. Я убрал нож за пояс, отполз выше по течению и умылся. Холодная вода немного прояснила голову, и я громко вздохнул. Напился, набрав несколько пригоршней, и только тогда почувствовал, как сильно пересохло горло. Его саднило, но холодная влага немного приглушила боль. Можно двигаться дальше.

Я выпрямился, отряхнул штаны и зашагал обратно к дороге. Разбойники, прячущиеся в кустах? После встречи с горгульей они уже не казались главной угрозой.

Вернувшись к дороге, я остановился и прислушался. Вдруг слева до меня донесся скрип колес, потом — ленивое понукание, и на дорогу выкатилась телега, запряженная тощей гнедой кобылой. На козлах сидел мужик — лет пятидесяти, в холщовой рубахе и засаленном картузе, с рыже-седой бородой, в которой запутались соломинки. Он не видел меня до последнего момента, пока я не шагнул на дорогу.

— Стой, — крикнул я, размахивая руками.

Мужик дернул вожжи, кобыла всхрапнула и остановилась. Я быстро прикрыл горло воротником рубахи. Он уставился на меня, нахмурился, потом прищурился, и наконец лицо его разгладилось.

— Ярослав! — удивленно воскликнул он. — Ярослав, етить твою мать, ты чего тут?

Я стоял и молчал, потому что не знал, что ответить. Какой я, к черту, Ярослав? Мужик резво спрыгнул с телеги, подошел и оглядел меня с головы до пят.

— Чой-то ты бледный как смерть? — спросил он. — И рожа вон, вся в грязи. С тобой что случилось?

Я хотел сказать, что меня повесили, что я не Ярослав, что понятия не имею, где я и что здесь происходит, но слова застряли в горле. Вместо этого я выдавил, кашлянув:

— Разбойники и… — я покосился на плечо, — тварь какая-то.

Мужик выругался, коротко и сочно, сплюнул в сторону.

— Так вот, где ты пропадал! Яков Кузьмич волнуется, где ты бродишь. Садись, довезу.

Он махнул рукой в сторону телеги, и я с большим трудом забрался на сено, чувствуя боль во всем теле. Мужик хлопнул вожжами, и телега тронулась.

— Тебя же предупреждали, Ярослав, — сказал он, не оборачиваясь. — Дорога в город опасная нынче. Мало что шайки шалят, так еще и твари из пробоя в лесу шляются. Неделю назад у Останкиных пастуха сожрали. А ты один поперся!

Я слушал его и ни черта не понимал. Надо как-то вытянуть из него информацию, не показывая, что я ничего не знаю. В голове промелькнуло имя — Яков Кузьмич.

— Яков Кузьмич волнуется? — просипел я.

Мужик хмыкнул.

— Отож! Тебя отец как-никак вызывает. Да и наследник

тама, сказывают, хворает. Всеволод то есть, законный сынок твоего батьки. Угасает, говорят, от какой-то болезни проклятой. Вот твой отец, видать, и вспомнил, что у него еще один сын есть. Нагулянный, а все ж сын.

Я сделал вид, что все это мне известно. Кивнул и уставился в спину мужика в засаленном картузе, из-под которого торчали седые волосы. Внутри меня закипало раздражение: я ничего не знал ни о каком князе, ни о наследнике, ни о письме. Но вдруг подумал, что если расколюсь, то все, труба.

— А ты сам, — спросил я, — ты кто? Я что-то плохо помню.

Мужик обернулся и усмехнулся в бороду.

— Тебя что, и по голове приложили?

Я поднял руку к затылку и потер его.

— Агась, — буркнул я. — Обухом ударили.

Мужик хмыкнул, покачал головой.

— Прокоп я, кучер. Я ж тебя с пеленок знаю. Матушку твою сам от твоего батьки забирал вместе с тобой только родившимся. Ты рос таким хорошим, послушным мальцом. Это ж я тебя научил с лошадьми управляться-то. Помнишь?

— Припоминаю, — протянул я.

— Это хорошо, — радостно ответил Прокоп, хлестнул кобылу по боку, и она пошла быстрее. — Там такие дела у батьки твоего… Ну, Яков Кузьмич тебе сам все расскажет.

— Ты мне лучше расскажи, что за чудовище меня ранило?

— О-о-о, — протянул кучер. — Сильно тебя приложи-

ли-то. Из пробоя лезут они. Пробой — это дыра на границе земель папаши твоего. Оттуда твари прут, от мелкой нечисти до… ну, не нашего ума дело. Князь с егерями хлопочут цельными днями, но поди уследи.

— Ладно-ладно, я вспомнил, — остановил я Прокопа, не в силах больше слушать этот поток сознания. Голова болела, плечо жгло, и я решил, что сначала нужно прийти в себя, а потом разобраться, что здесь к чему.

Телега свернула за поворот, и я увидел усадьбу. Дом стоял на пригорке, окруженный невысоким каменным забором, кое-где поросшего мхом и покрытого черными разводами от дождей. Сам дом был двухэтажным, сложенным из крупного серого камня, оштукатуренным когда-то, но штукатурка облупилась и осыпалась пластами, обнажая неровную каменную кладку, темную от времени.

Я потер глаза, ожидая, что сейчас проснусь, что все это — бред умирающего мозга, последняя галлюцинация перед тем, как сознание погаснет окончательно. Но телега подпрыгивала на ухабах, и каждый толчок отдавался болью в разбитом теле.

Прокоп натянул вожжи, кобыла всхрапнула и остановилась у каменного крыльца. Я сполз с телеги на дрожащие ноги и огляделся. Двор был утоптан до твердой корки, и в ней застыли глубокие колеи от телег и повозок. Слева от дома стояли сараи и конюшня. Справа — колодец с облупившимся срубом, из которого торчала кривая журавлиная стрела,

привязанная к столбу новенькой цепью.

Из дома вышел старик — высокий, поджарый, с прямой спиной, которую не согнули ни годы, ни нужда. На нем был добротный, хотя и потертый на локтях, темно-синий сюртук, застегнутый на все пуговицы, высокие сапоги из мягкой кожи, начищенные до слабого блеска. Седые волосы были коротко острижены, борода аккуратно подстрижена, а глаза — темные, цепкие, пристально смотрели на меня, будто видели меня насквозь.

— Ярослав, — позвал меня скрипучим голосом старик. — Где тебя черти носят?

Я посмотрел на него, и в голове всплыл обрывок из памяти Ярослава: этот человек растил его с детства, учил обращаться с оружием, водил на охоту. Яков Кузьмич Торопов.

Он шагнул мне навстречу, на ходу оглядывая с головы до ног. Взгляд его задержался на повязке, проступившей бурым пятном, и брови его сошлись к переносице.

— В дом, живо! — Старик подхватил меня под здоровую руку и потащил в дом. — Прокоп, пришли Федора.

Прокоп крякнул, кивнул и увел лошадь, а я, переставляя ноги, будто они налились свинцом, переступил порог.

Мы оказались в просторной прохладной прихожей с высокими потолками. Тусклый свет керосиновой лампы выхватывал из темноты дубовую вешалку с тремя массивными крючьями, большое зеркало в потемневшей резной раме и яркий ковер с кисточками. На стене справа висели оленьи

рога и несколько старых гравюр в тяжелых рамках, изображавших сцены охоты.

— В кабинет, — коротко велел Яков Кузьмич, и я двинулся за ним в дверь направо.

Кабинет оказался небольшим. Стены были до половины обиты темно-зеленым сукном, выше — покрашенные масляной краской, с выцветшими пятнами там, где когда-то висели картины. Между двумя высокими окнами располагался тяжелый письменный стол из красного дерева, заставленный книгами в кожаных переплетах, и кресло с высокой спинкой.

Яков Кузьмич усадил меня на тахту у стены, сам снял с меня повязку, осмотрел рану и присвистнул.

— Горгулья? — спросил он, не поднимая глаз.

— Похоже на то, — просипел я.

— И сюда добрались, — буркнул Яков Кузьмич и повернулся к двери, где уже стоял сутулый мужик в коричневом халате, с кожаным мешком через плечо. — Федор, глянь. Тварь царапнула.

Лекарь — думаю, это он и был, — подошел, понюхал мою повязку, хмыкнул и принялся промывать рану какой-то мутной жидкостью с резким запахом. Я стиснул челюсти, когда жжение вспыхнуло с новой силой, но промолчал. Федор наложил густую, темную мазь, пахнущую дегтем, замотал свежей тканью и, не сказав ни слова, вышел.

Яков Кузьмич дождался, пока за лекарем закрылась дверь, сел в кресло напротив, положил руки на колени и посмотрел

на меня в упор. Взгляд у него был тяжелый, усталый.

— Ярослав, — начал он и тяжело вздохнул. — Ты жив, и это главное. У меня для тебя есть дело, которое не терпит отлагательств.

Он помолчал, разглядывая мое лицо, и я не отводил глаз.

— Твой отец, князь Аркадий Мстиславович Вольский, прислал грамоту. — Он вынул из-за пазухи сложенный вчетверо лист плотной бумаги с сургучной печатью. — Всеволод, законный наследник, при смерти. Князь зовет тебя на помощь как родного сына — единственного, кто может принять на себя оборону земель, пока Всеволод не поправится.

— Я знаю, — прошептал я, дослушав до конца. — Мне Прокоп уже сказал.

Глаза Якова Кузьмича округлились, но тут же превратились в щелки, и лицо исказила гримаса ярости.

— Старый хрыч! — заорал он. — Выпорю доходягу, будет знать, как трепаться!

— Когда выезжаю? — спокойно спросил я.

— Завтра на рассвете, — вздохнув, ответил Яков Кузьмич. — Если ты можешь сидеть в седле, конечно. Дорога займет дня полтора, если не петлять. И запомни: в пути никому не доверяй. Особенно тем, кто предложит помощь. У князя врагов много, и твое появление им не по нраву. Я отправлю с тобой двух парней покрепче.

Он хотел сказать что-то еще, но дверь с резко распахнулась, и в комнату влетела женщина в темном платье, с белым

чепцом на голове. Марфа.

— Ярославушка… — прошептала она и бросилась ко мне, обхватила мою голову руками, прижала к груди. — Сыночек… Живой… Я уж думала…

Я замер в ее объятиях, чувствуя, как она дрожит. Пахло от нее мятой, как в видении у дерева.

— Я в порядке, матушка, — выдавил я.

— Марфа, прекрати, — протянул Яков Кузьмич. — Он жив и почти здоров. И завтра едет защищать отчий дом.

Она отстранилась, оглядела мое лицо, повязку на плече, и всхлипнула, прижав ладонь к губам.

— Куда едет? Яков Кузьмич, как вы можете? Он еще ребенок!

— Он давно не ребенок, Марфа, — прошипел тот. — Он мужчина, которого зовет долг защищать свою семью и родину!

— Он мой сын! — Женщина всхлипнула, но под грозным взглядом хозяина снизила тон. — Простите меня, Яков Кузьмич, но сердце мое не слушается разума и болит за моего мальчика. — Она посмотрела меня красными слезящимися глазами. — Пообещай мне, что вернешься ко мне живым, сыночек.

Женщина снова крепко обняла меня, так, что я почувствовал, как бьется ее сердце под тканью платья. Моя мать умерла от инсульта, когда мне исполнилось тридцать, и в той жизни у меня совершенно никого не осталось. Отогнав пе-

чальные воспоминания, я коротко и бережно обнял женщину в ответ.

— Вернусь, — ответил я. — Обещаю.

Она выпустила меня, отступила к двери, еще раз оглянулась и вышла, вытирая слезы.

Яков Кузьмич выдохнул, опустился в кресло и полез за пазуху. Вынул сложенный вчетверо плотный лист бумаги, перевязанный бечевкой, с сургучной печатью, и положил передо мной на столик.

— Спрячь его надежно. Я дам тебе пояс с потайным карманом, туда и положишь.

Я смотрел на письмо, не притрагиваясь.

— Что в нем? — осмелился спросить я.

— Тебя это не касается, — отрезал Яков Кузьмич. — Передай его отцу и дело с концом. — Старик поднялся с кресла. — Займешь комнату на втором этаже, третья дверь по коридору. Кровать застелена, вода в кувшине. Отдыхай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.